

столь характерная для классицизма с его отрицанием средневековья и барокко, а в момент написания трактата — для романтизма, который начинал усиленно уничижать и «свергать» классицизм.

Принципиальное провозглашение правомерности существования «различных вкусов» (Гр., 7, 597) означает полнейший разрыв Державина со всеми нормативными поэтиками — как классицистической, так и сентименталистской. Это — утверждение принципа историзма, взятого в аспекте анализа и оценки определенного литературного явления — лирики.

Вместе с тем Державина бесспорно привлекает проблема национального своеобразия, взятая без «оценочных» критериев, без предпочтения одной поэзии другой по тем или иным параметрам. Этим диктуется самый выбор национальных литератур (так, например, не найдя принципиальных отличий от других европейских поэзий у голландцев и англичан, Державин не ввел их в «Рассуждение», хотя материал у него был подобран). Этим же определяется и отбор материала внутри одной национальной поэзии: выбирается по преимуществу то, что, будучи характерным для данной поэзии, отличает ее от других.

Так, Державин располагал довольно обстоятельным материалом о грузинской поэзии, но, уловив, что в ней очень часты внутренние рифмы, включил лишь один, самый показательный именно в данном отношении пример. То же самое можно сказать о подходе Державина к скандинавской (скальдической) поэзии — явлению доныне совершенно исключительному по интенсивности звукописи и сложности кеннингов; индийской — как связанной с музыкой; китайской, непохожей на все остальные до того, что сам автор трактата вынужден признаться, что ничего не может в ней понять, и т. д.

Идеи национального своеобразия и общности исторического развития мировой лирики у Державина переплетаются теснейшим образом. Поэтому он и может амбигвусную «оду» иллюстрировать древнееврейским, индийским и современным русским материалом; «акrostиши» — иудейскими псалмами и русским стихотворением XIX в. «Князь Кутузов-Смоленской».

Таким образом, трактат Державина в целом находится на уровне современной ему европейской эстетической мысли, которая пропущена сквозь его личное отношение и соотнесена с его собственным поэтическим опытом и практикой русской поэзии. Наряду с этим в отдельных весьма существенных моментах мысль Державина-теоретика вырывалась далеко вперед,³² чем и было обусловлено неприятие «Рассуждения» в Беседе. А это, в свою очередь, привело к тому, что, по необходимости выступая в заседаниях общества с чтением фрагментов своего труда, Державин готовил его к отдельному изданию, пользуясь дружеской критикой наиболее компетентного в этот период историка литературы — Евгения Болховитинова.

³² См. об этом в указанной выше статье Л. И. Кулаковой.